

7 Я думаю, что такое сообщество, несмотря на существование Института этнологии и антропологии РАН, не сложилось. Чтобы интеграция состоялась, необходимо расширение сферы деятельности антропологов в сторону социальных реконструкций.

ВАЛЕРИЙ ТИШКОВ

1 Во-первых, что понимается под фразой «современное состояние»? Если речь идет об общем облике той или иной национальной научной школы, тогда следует обратиться к каким-то характерным чертам, которые, скажем, отличают российскую этнологию от французской, немецкой или индийской или же той науки, которая была в нашей стране одно или два поколения тому назад. Эти характерные черты установить непросто, ибо в России все больше появляется разных антропологов и все больше разных обществоведов обращается к этническим и антропологическим сюжетам. Тем не менее по облику ряда академических коллективов, прежде всего Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска и Омска (мне наиболее известных), можно сделать некоторые обобщения об основных особенностях работы современных профессионалов.

С точки зрения академических работ, российская этнология выглядит более чем благополучно. Вместе с остальной гуманитарной наукой она в полной мере воспользовалась новыми возможностями и позитивными переменами последних 15 лет в жизни страны. Не было другого периода в истории отечественной этнографии, чтобы было выполнено столько разнообразных по географическому охвату, проблематике и методике полевых исследований и было столько опубликовано этнографических работ. Родились или рождаются новые научные направления, и в целом гораздо больше исследований выполняется за пределами этнической парадигмы в более широком поле понимания культурного фактора. В

**Валерий Александрович
Тишков**
Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва

России уже существует не просто историческая поддисциплина, называвшаяся этнографией, которой с упорством продолжают обучать на кафедре этнологии исторического факультета МГУ. Хотя еще рано говорить о существовании в полном смысле социально-культурной антропологии, которая никак не конституирована и которой пытаются обучать по десятку студентов в год в Центре социальной антропологии РГГУ.

И все же историко-этнографический жанр продолжает доминировать. В США, например, этот жанр почти скончался (возможно, временно) с завершением издания Смитсоновским институтом «Handbook of North American Indians». В университетских книжных магазинах на полках только книги по социально-культурной антропологии, причем в огромном количестве и разнообразии. В российских книжных магазинах такой секции вообще не существует (свои книги я нахожу то в «истории», то в «политологии»). В Европе (частично за счет вытеснения этнологии) и Азии (фактически на пустом месте) антропология развивается бурно и даже настолько бурно, что доминирование индийских антропологов на последних мировых конгрессах явно становится чрезмерным.

В России книги с сюжетами «культура дороги», «круг игры» или «антропология дедовщины» появляются редко, или же это тематическое поле обрабатывают культурологи, как, например, культуру советской повседневности. Этнографы по-прежнему советское время считают «современностью» и продолжают держать за культурную норму материал из архива Тенишева.

Постсоветскость воспринимается исключительно в парадигме кризиса и культурной аномалии, для отторжения и противопоставления которой «этнотопосы» мобилизуют институты и механизмы традиционной защитной культуры. Когда-нибудь нам всем будет так же стыдно за непонимание периода российских трансформаций, как и за потерянную этнографию советскости. В СССР нынешние поколения ученых изучали главным образом «процессы», «механизмы», «структуры», а также «строительство» и «формирование».

Если вести речь об этнологии «массового производства», тогда следует обратиться к огромному числу публикаций, где так или иначе затрагивается этническая тематика и присутствует претензия на научную презентацию. Поскольку от этого нельзя отмахнуться и это было бы несправедливо по отношению к пишущим на эту тему профессионалам, полупрофессионалам и непрофессионалам, нужно брать за кропотливую и неблагодарную работу читать и оценивать, скажем, пухлые публикации тезисов и докладов регулярных конференций, органи-

зуемых философом И.Л. Набоком в Санкт-Петербургском педагогическом университете под намеренно антиконструктивистским названием «Реальность этноса». Или же анализировать публикации сибирских «философов этноса» под редакцией Ю. Попкова в повторяющемся издании «Этносоциальные процессы в Сибири», где рядом с интересными работами этнографов, работающих на местных материалах, присутствует схоластика паранаучного характера, восходящая к так называемому философско-социологическому направлению в изучении коренных малочисленных народов (смотрите, например, работу под названием «БАМ и народы Севера»).

2

Не могу выделить какие-либо конференции и проекты из числа многих, но среди публикаций есть много интересных и важных книг. Мне кажется, что нужно продолжать работу по созданию учебных пособий, чтобы перестать выдавать за учебники справочники по этническим общностям и по так называемым историко-этнографическим зонам. Следует учесть, что уже вышли учебники по социальной антропологии в рамках уродливого Госстандарта, и эту ситуацию также нужно исправлять. По моему мнению, в России нужно остановиться на таком сложном названии дисциплины, как «социальная и культурная антропология», и, исправив государственный стандарт, начинать утверждение ее статуса как в вузах, так и в науке. Создание современного вузовского учебника мне представляется первостепенной задачей.

Следует отметить уже двухлетнее существование общеакадемической программы фундаментальных научных исследований «Этнокультурные взаимодействия в Евразии», в которой участвуют около двух десятков институтов страны и выполняются около 120 научных проектов. Вместе с подпрограммой по коренным малочисленным народам Севера бюджет этой программы составляет около 1 млн долларов в год. Когда-то мы мечтали о такого рода проектах, а сейчас их имеем. Проблема — как собрать и осмыслить сложную и разнообразную по своим историческим формам тему этнокультурных взаимодействий. И что есть Евразия, если отойти от метафорического контекста этого понятия?

3

Важными исследовательскими направлениями являются любые, если они основаны на этнографическом методе и добывают новое знание. Однако более важны те, которые помогают лучше понять социокультурные основы жизни людей и общества. Целые сферы человеческой жизни не исследованы антропологически. Даже этничность и та остается слабо изученной, особенно ее современные смыслы и современные сложные формы, а также политические траектории. Из перспектив-

ных (то есть актуальных для российского общества и науки) я бы назвал следующие темы в области социальной и культурной антропологии: культурный смысл эмоций и эмоциональных связей (не менее важных, чем родственные, а тем более этнические, в современном мире и в определенных ситуациях), антропология социальных перемен, собственности, масс-медиа, бюрократии, спорта, рекламы. Я бы выделил необходимость развития медицинской антропологии, помимо рамок народных медицинских знаний и практик (см., например, мой доклад на сессии Общего собрания РАН в декабре 2003 г. по проблеме здоровья). Как это ни покажется странным, но чрезвычайно перспективно изучение антропологии пищи, одежды и жилища, но не в плане исторической реконструкции «традиционной культуры», а совсем в новом контексте. Почему россияне настроили миллионы необитаемых или полуобитаемых дач и коттеджей, вложив в это свои основные накопления и средства последних двух десятилетий? Что это за культурный феномен? Невозможно не замечать радикальные изменения, которые произошли в национальной (обратите внимание на употребление мною данного прилагательного!) культуре питания россиян за счет нового доступного рациона, появления ресторанного бизнеса, интереса к этнической пище, расширения знаний о внешнем мире. Я бы мог изложить целый перечень тем и проблем, которые можно было бы блестяще раскрыть на отечественных материалах и с пользой для отечества, но не хочу выступать в роли предписателя. У молодых людей в науке есть свои наставники, пусть они и предлагают. Но лучше, если бы ученики не повторяли учителей, а шли дальше.

4

В этом вопросе заключается большая проблема. Статус национальной школы в мировом сообществе антропологов определяется многими факторами, а не только качеством работ. Мало кто знает, а тем более признает, что важнейшие направления антропологии XX века были оплодотворены идеями и работами советских ученых: структурализм, по признанию самого Леви-Строса, не родился бы без работ Проппа, а интерпретивная антропология (постмодернистский дискурс) — без работ Бахтина. Но новации должны активно и широко внедряться, а приоритет должен отстаиваться и защищаться в международном плане, ибо наука едина. Иначе те немногие западные ученые, знающие русский язык, уже чувствуют себя первооткрывателями перед лицом огромного англо-, франкоговорящего сообщества и могут презентовать свои исследования без должной отсылки и признания вклада российских ученых. Недавний случай с открытием американскими и германскими учеными новых неизученных языков в Сибири — яркий тому пример. Так что важнее вопрос не известности (специалисты

более или менее стараются учесть работы российских ученых), а должного признания. Хотя по опыту двух своих монографий, изданных на Западе, могу сказать, что информация и признание — это связанные вещи. Без промоушена со стороны автора, издателя, коллег книга может остаться незамеченной. Для рекламы и восприятия играет роль и политический контекст, хотя для научных книг он не так важен.

Более серьезна проблема слабого знания западной литературы российскими учеными. В работах почти нет ссылок на журнальные статьи, а ссылки на книги относятся к далеким временам. Достаточно посмотреть, что авторы энциклопедических статей рекомендуют в качестве литературы по той или иной этнической группе или проблеме. Аспиранты по этнографии и этнологии до сих пор имеют слабую языковую подготовку. Но следует учитывать, что некоторые из них знают «местные» языки, что не менее важно для научной работы, чем знание английского языка, на котором говорит мировая антропология.

5 Если говорить о молодом поколении, то это слабая вузовская подготовка по части этнографического метода и антропологической теории (молодые этнографы часто представляют собой мешок с этнографическими фактами), недостаток любознательности и умения писать, чрезмерная зависимость от предшественников и наставников, неумение обеспечить свои исследования необходимыми ресурсами, слабые амбиции по части выбора тем и теоретических новаций. О более старших поколениях подобный разговор принесет мало пользы, но вызовет нежелательные эмоции. Почти каждый уверен, что он выполняет «продуктивные исследования». А судьи кто? Может быть, это действительно так? Настоящая проблема в том, что в академических коллективах есть научные сотрудники, которые за ту же самую зарплату не выполняют никаких исследований! Как такие люди попадают в науку и потом всю жизнь мучаются или спокойно существуют — вот это более существенный вопрос. И можно ли доучить или переучить плохо обученных или же помочь им найти другие занятия? Должны ли этим заниматься только администраторы или все члены сообщества, часть которых в такой ситуации работает за себя и «за того парня»?

6 На таких форумах должны обсуждаться все вопросы в рамках дисциплины, а на VI конгрессе в качестве заглавной темы вынесена тема «Этнокультурные взаимодействия в Евразии» (2005 г. — заключительный год одноименной программы). Но главное в таких конгрессах — это сообщить о выполненных новых исследованиях с момента прошлого конгресса или ус-

троить дискуссию по большим вопросам. Но еще важнее — это прямое общение и обмен информацией.

7 Мне такой вопрос нельзя задавать, ибо значительная часть моих личных усилий за последние 15 лет в должности директора института была направлена на поддержку и развитие такого сообщества. А то, что оно существует, то это вопрос бесспорный. Иначе кто мы? Не просто же сдавшие на хранение в те или иные учреждения свои трудовые книжки научные сотрудники! В ИЭА РАН, кроме того, имеется достаточно сильная корпоративная идентичность. Это также необходимо, наряду с творческим многоголосием научного коллектива.

В национальное сообщество российских этнографов и антропологов нужно убедительнее вовлекать выехавших в последние годы из России молодых ученых. Обидно смотреть в программы зарубежных конгрессов и конференций, когда молодые россияне (среди них много способных антропологов!) старательно указывают рядом со своей фамилией американские или другие западные учреждения временного пребывания и не указывают свою российскую принадлежность (вуза или научного учреждения).

ДАНИИЛ ТУМАРКИН

1 После первого постсоветского десятилетия, отмеченного острыми катаклизмами и кризисом отечественной науки, в России, похоже, наступил период относительной стабилизации. Эта стабилизация коснулась и этнографии (социальной/культурной антропологии): активизировались полевые исследования, возросло число публикаций. Но финансовые проблемы все еще сдерживают развитие нашей науки. Основное достижение постсоветского периода в области теории — широкий идейно-теоретический плюрализм, который желательно сохранять и в дальнейшем. Представляется, что в рамках этого плюрализма марксизм, освобожденный от догматических и вульгаризаторских наслоений, может оставаться в теоретическом арсенале российских этнографов, конкурируя с идеями и концепциями других философских школ и течений обществен-

Даниил Давыдович
Тумаркин
Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва